

Девять дней без
академика Лихачева

Академик Лихачев прожил одну из самых трагических жизней в истории культуры XX века. И это при том, что филолог, доживший в тоталитарном и насквозь неправом обществе до 93 лет, может считать себя не просто счастливым, а Божиим любимцем.

Гуманитариев у нас всегда можно было уничтожить без всяких комплексов. Но уничтожить можно по-разному. Один вариант был широко распространен и сводился к стиранию в лагерную пыль. С Лихачевым так поступить пробовали, но времена были еще не худшие, и он выжил. Второй вариант был ужаснее: бесчеловечный и безобразный режим делал гуманитария своей витриной,

ЗАЛОЖНИК

1904 - 1999 - 9 Окт - 1, 6
Он шел на сотрудничество с властью, надеясь эту власть очеловечить

чем компрометировал навеки.

Так фашисты поступили с патриархом скандинавской прозы Гамсуном. Так российская власть, остающаяся по сути глубоко обкомовской, поступила с академиком Лихачевым. И прощание с ним, транслировавшееся по РТР, подтвердило именно такой статус Дмитрия Сергеевича: его считали частью власти, государственным интеллигентом. Что может быть страшнее для мыслящего человека? Можно представить себе, как отреагировали бы на подобную узорпацию Толстой или Солженицын...

Да и можем ли мы себе представить, скажем, патриарха Толстого — в качестве советника Николая II? Что стало бы с его репутацией вождя и учителя? Напротив, отлученный от Церкви, преследуемый, непечатаемый Толстой был скрытым стержнем всей российской общественной жизни, и после пресловутого отлучения число сочувственных и восторженных писем в десятки раз превышало число пасквилей с угрозами, которые великий старец тоже иногда, увы, получал. Слава Солженицына была обеспечена не только художественной отвагой, высшей точностью его текстов, но и статусом вождя оппозиции — причем вождя, который от этой оппозиции оторван в силу са-

мого масштаба своей личности, то есть отряду до командира еще тянуться и тянуться. Сегодняшний Солженицын на роль государственного интеллигента не сгодился. Ее отдали академику Лихачеву. И он — отлично зная, насколько это самоубийственно, — ее принял.

Почему? Причин много. Но уж никак нельзя объяснить лихачевское согласие на роль символа духовности — личным тщеславием. Чего не было, того не было. Он более чем жестко оценивал свои научные заслуги, несколько раз назвав себя "всего лишь популяризатором". Лихачев пошел в любимцы власти по совершенно другим мотивам. Вся логика его судьбы, все его убеждения вели к тому. Он представлял в наше время то чрезвычайно редкое, экзотическое для XX века направление общественной мысли, которое приблизительно и неполно называется "просвещенным патриотизмом". Лихачев был убежденным государственным, свято верящим, что крепкая государственность есть лучший щит, идеальное условие для развития культуры. Ему было свойственно представление о культуре как об иерархии ценностей, как о чем-то сакральном, священном, таин-

ственным. Как человек истинно церковный, он исповедовал свою программу: при любых властях делать то, что можно, — для облегчения жизни культуры.

Слава и авторитет Лихачева обеспечены не только и не столько чисто научными заслугами его, хотя заслуги эти бесспорны. Он был и вправду подвижником, жертвовал собой, собственными занятиями, собственным авторитетом, — служа делу сохранения русской культуры. А без государственной поддержки он этого сохранения не мыслил: надо спонсировать музеи, архивы, театры, надо отчислять средства текстологам, хранителям, экскурсоводам... садовникам, наконец, — Лихачев как никто пекся о сохранении садов Петербурга, потому что обожал регулярные парки, вообще все регулярное, классицистское... Высший порядок — вот что нравилось ему во всем, и за эту упорядоченность, иерархическую строгость он так любил древнерусскую литературу. Сама идея бунта для него была неприемлема — именно потому, что она в его глазах неэстетична. И он шел на сотрудничество с властью, надеясь эту власть очеловечить.

Он сотрудничал с властью, принимал ордена, становился куратором канала "Культура" — чтобы мочь при

случае заступиться за кого-то, выбить деньги на что-то... Он давал практически неотличимые интервью, повторяя одни и те же общие истины: в современных городах нет души, наши главные подвижники — провинциальные музейные работники и библиотечари, главная добродетель — скромность... Именно повторение этих истин входит в обязанности государственного интеллигента. Он обязан говорить банальности. Он обязан появляться на мероприятиях власти. Он должен охранять культуру от любых посягательств, в том числе и от самых дерзких новаторов. И Лихачев шел на эту — охранительную, в сущности, — роль, чтобы было кому замолвить слово за гнущие театры и архивы. Чтобы было кому при случае попросить власть — мягко, деликатно, осторожно! — чтобы она поступила по-человечески. Поехала на похороны царской семьи, в частности...

Своим авторитетом он убеждал власть: надо издавать это и это! Ученый, обладавший фантастическим чутьем на слово, замечательный критик и полемист, — он поставил общественный долг выше научного и воспринимался прежде всего не как мыслитель, не как аналитик "Слова", не как знаток всевозможных аргументов (о них его первые работы), но как государственный интеллигент. Страшное клеймо для русского мыслителя! Потому что если интеллигентом тебя называет Геннадий Селезнев, или Борис Ельцин, или губернатор Яковлев, — это повод задуматься: может ли у нации и у ее чиновников, у ком-

мунистов и демократов, у держиморд и художников быть общее представление об интеллигенте. И может ли он быть частью государственной власти, в некотором смысле ее слугой.

Лихачев считал, что — может и должен. Ибо любил тонкие и сложные вещи. А сложные вещи не существуют в вакууме, без поддержки и защиты — им нужен прочный дом и крыша, им нужна сильная Россия и опека ее властей. Вот почему так неправомерно сравнение славянофила и консерватора Лихачева с либералом и западником Сахаровым. Оба были мужественными людьми. Один этой власти противостоял. Другой, все отлично понимая, эту власть пытался воспитывать. Общего у них только то, что оба академики да оба обладали безупречными манерами.

Это в наши времена истинное подвижничество — защищать иерархическую культуру и верить в возможность нравственного воздействия на власть. И оттого жертвенность поведения Лихачева стала очевидна именно теперь. Он и на строительстве Беломорканала был ударником социалистического труда — не из любви к физическому труду, конечно, а просто по неумению плохо работать. При любых режимах и любых властях он делал свое благое просветительское дело, спасая то, что любил. И титулы, которыми его осыпали, — ничтожно малая компенсация за такое служение.

Дмитрий БЫКОВ